

Евгений ДОДОЛЕВ

ЭМАНАЦИИ ГЛАЗУНОВА

(Начало на 3 стр.)

СЕМЬЯ

Старший сын. Иван Ильич. Ваня. С лицом бледным и поразительно интересным. Взглядом, скользяще недоверчивым и загадочно прозрачным. Характером нежным и загадочным. Ко мне — так он насторожен со дня бывшего знакомства. И настолько как бы ждет подвоха, что даже на мой вопрос, слушает ли он, мол, «металлический рок», отвечает столь плавно и умно, что за подробностями лучше обратиться к младшей, Верочке.

Глазастой милой Верочке. Трудолобивой. Скоромной... Умеющей дать сдачи, когда надо.

Обаятельной. Якобы слегка стеснительной. Обещающей скоро, очень скоро превратиться в сверхпривлекательную светскую львицу, балующуюся серьезной живописью. С вертикальным, словно жертвенный дым, и неприступным, как сейф, глазуновским стержнем.

Порода. Не всем, между прочим, понравится. Любая династия индуцирует насилие и неприятие. Особенно если внутри — металл стержня. Это из физики.

Ваню, неулыбчивого, прохладноглазого Ванечку пытались убить. За то, что он — Глазунов. Шло прошло в двойне от заколдованного сердца. Горячая, как Солнце, кровь выкрасила белую кожу причудой абстракциониста. «Геометрия дома в хрустальных пространствах...» У Вани внимательно-усмешливые глаза. Это уже из метафизики.

Про тот лихой удар шилом я не вспоминаю. Никакому отцу (пусть и ощущающему себя суперодиноком) не было бы в кайф подробничать по такому поводу.

Я молчу. Зарекаюсь я и говорить о загадочной гибели жены Глазунова. Знаю лишь, что слухи, в свое время толкавшиеся по Москве, не вполне верны.

Знаю, что, хотя Нина Александровна действительно отчаянно мучилась зверскими мигренями, не они, нет, не они толкнули ее. Толкнули на заснеженный тротуар. Из замкообразной надстройки глазуновской мастерской, что взгромоздилась на крыше этого дома. Старого дома в одном из столичных переулков, выползающих стеснительным ужом на проспект Калинина.

Незадолго до гибели она поднималась из их квартиры в темную мастерскую вместе с неким загадочным визитером. Гость явился для переговоров по незначительному какому-то поводу...

У выброшенной из окна были обломаны все ногти. Глядя на портреты изумительно красивой темноволосяй женщины, невозможно представить себе, как она пыталась сопротивляться.

КГБ

— В книге отзывов (на выставке) студентка Казанского университета напомнила вам о вашей работе на КГБ, назвав «мастодонтом застоя».

— Вся моя работа на «органы»: несколько лекций прочел в Академии МВД по инициативе Крылова. Он хороший человек был.

— Чурбанов, вы знаете, говорит, что Крылов слишком на Щелокова давил... И вообще сука был, царство ему небесное.

— Нет, Крылов — хороший человек. У него честь была. Он застрелился, когда его обидели. Харакири, можно сказать. Это подлец не сделает. Подумает: ну и черт с вами, мы ведь там зарабатываем деньги. Он был очень хороший... А что касается КГБ, то никакого отношения не имею.

— Экс-генерал Калутин в одном из интервью упомянул о ваших связях с Комитетом во время разборок с книгой «КГБ».

— Какая книга? Джона Баррона? Илья Сергеевич закуривает сигарету, которую уже минуту держал наготове (после того как приказывает одну, другая тут же, словно пуля из обоймы, изымается из пачки).

— Я подал на Баррона в суд и выиграл дело. Журнал «Шпигель» написал: «Юридический феномен». Впервые — это в «Шпигеле» было написано, в статье «Юридический феномен», — впервые гражданин СССР обратился в западногерманский суд, который никак не обвинишь, что это «рука Москвы», с тем, чтобы прекратить эти инсинуации. Потому что (хотя это совершенно забыто) бывшие советские (так называемые) деятели культуры, когда попали на Запад (художники, поэты, писатели), они настолько чувствовали, очевидно, свою потерянность, их съедала какая-то озлобленность к бывшим своим товарищам по камере, что когда я приехал и они видели успех мой, то... Впрочем, сперва напомню, что они здесь говорили: «Кому нужно его искусство: царевичи, монархи, религиозный мистицизм?» «С каждой картины на нас подозрительно поглядывает Христос» — в «Ленинградской правде» написали.

ДИПЛОМАТИЯ

— Я был самый бедный художник этого класса. Не надо так улыбаться

и по сторонам оглядываться. То, что приходят ко мне люди и видят по три рубля опранные лубки, иконы, которые сжигались, это говорит только о том, что я окружаю себя красотой. И я бы не сказал, что эта иконка, которая красиво смотрится, была шедевром. Она стоила 20 рублей, как сейчас помню. Вот эту вот продавали за 15 рублей. Клянусь, 15 рублей. А вот это была ширмочка, а я из нее сделал диванчик. А материя куплена на Западе. Очень красивая, китайская. А китайские изделия очень дешевые. Стол вот этот, который так поражает, в свое время стоил тоже 15 рублей. Все мечтают купить «Хеллу» за 15 тысяч, какой-то гарнитур. Я всегда любил старину и люблю ее. Красиво — это не значит дорого. Как посольство, построенное в Испании, стоит одну десятую посольства во Франции и одну сотую нашего посольства в США.

— Ну, я был в этих посольствах. Должен сказать, что они значительно больше. Просто городки какие-то по сравнению с помпезным вами мадридским дворцом, — парирую я.

...Летом 90-го я был в Мадриде. Аккредитованный там ТВ-оператор Валерий Ледков оказался не только суперпрофессионалом, но и непритворно гостеприимным хозяином (а про то, какой это удивительно эрудированный собеседник, не рассказывать без длительных ретроспекций). Он пригласил меня, когда у меня кончились песеты на гостиницу. И, главное, помог снять (то есть попросту снял) несколько сюжетов для «Взгляда». На общественных началах, без всякой оплаты, за (вполне, впрочем, откровенное) «спасибо».

Самой симпатичной, по-моему, оказалась зарисовка о здании посольства. Я попросил Влада Листьева вставить

программы, наверное, было бы пройтись по поводу мидовской роскоши... во время чумы бесколбасья в далеком от Пиренеев Отечестве. Однако, как оказалось, сумма, затраченная на оформление белоснежной резиденции, много меньше прогнозируемой и по сравнению с общеевропейскими стандартами более чем скромна. Чего не скажешь, конечно, о впечатлении. Проект оформления работан Ильей Глазуновым. Над роскошным интерьером работали его ученики. И сам великий русский живописец. Который, кстати, две недели назад, к национальному празднику Испании, завершил работу над портретом короля. Возможно, именно влиянием Глазунова, свято одержимого русской идеей, объясняется то, что лобой попавший сюда понимает: он не столько в посольстве СССР, сколько в гостях у русских.

Вот, собственно, и все. Через несколько дней я встретился в одной из столичных редакций со старым своим приятелем из хмельного племени спортивных обозревателей.

— Ну, старик, уделал же ты этого Глазунова! Молодец, хорошая работа. Тонко, тонко. Ты это всегда умел, — похлопывал меня по плечу знаток тренировочных комбинаций. — Сто грамм накаатишь?

Скрепя сердце отказавшись от хлявного коньяка, я удивленно поинтересовался: что именно ветеран футбольных репортажей имеет в виду под глаголом «уделять»?

— Ну как же? — изумился в ответ небритый симпатяга. — Во «Взгляде» про посольство ты ведь рассказывал. Я-то голос твой узнаю не только по телефону.

Напомнив ему, что по телефону мы ни разу не разговаривали, нетерпеливо

именно олицетворением этих фашистских множеств: «Память» и т.д. То, что он суперталантлив, в моих глазах служило обстоятельством лишь отягчающим.

В первую же нашу встречу я узнал, что Живописец № 1 совершенно не пьет. Ну, сказал я себе, все ясно: «куришь, пьешь вино и пиво — ты пособник Тель-Авива». Так, кажется? (Хотя с сигаретами у него счет просто страшный, он вбивает свинцовый никотин в свои легкие просто пачками, а не какими-то скромными затяжками. В основном, как я заметил, престижные сигареты. Но не из модных: вернее, из модных всегда — «Мальборо»).

— А вот познакомься. Красавица из Крыма.

Илья Сергеевич кивнул на зашедшую в кухню привлекательную девушку восточной масти. Они, красавицы, в этом доме сменяют друг дружку с неизбежностью латиноамериканских переворотов. Они даже не пытаются разбить хрустальную западню Гениального Одиночества. Но, полагаю, дарят иллюзии удара по блестящей поверхности непробиваемого хрусталя.

С теми двумя, которым меня представляли, я довольно придирчиво беседовал. О Глазунове, разумеется. Обе держались со стойкостью Зои Космодемьянской. То есть с чисто репортерских позиций эти беседы бесполезней мартовского снегопада. Ну, быть может, за исключением деталей: где, когда и почему познакомились с Ильей Сергеевичем. В оценках красавицы осторожнее пожилых саперов. Если разговор заходил о чем-либо более чем спорном (ну, допустим, эти скандальные три глазуновских суперполотна), собеседница с гренадерской решимостью спрашивала: «Чаю?» — как бы обозначая: табу. Нет проблем?

Ну а что касается пересудов «о Глазунове как о человеке», то тут все исключительно мило и взаимоприятно. Потому что я тоже считаю: И.С. — человек интересный и во многих отношениях замечательный.

Мне кажется, что он и сам это знает. Но гадкий червь сомнения гложет души почти всех по-настоящему Великих.

Художник-абстракционист из Киева по имени Альбина, возможно, и произвела фурор в Испании (так говорит ее добрейший покровитель И.С.). Но по мне она не столько 26-летний живописец, сколько просто шикарная дама с интригующе смутным лицом и роскошным бюстом. Думаю, что этих данных в сочетании со вкусом и умелой подачей достаточно, чтобы иметь успех в любой точке земного шара. В качестве начинающего скульптора или перспективного дизайнера — неважно. Важно, чтобы дело сопряжено было с выставками.

Пока И.С. занят в мастерской, мы с Альбиной камерно-неторопливо себе сидим на тесной, под стать спичечному коробку, кухне. Чтобы чайные паузы в разговоре не проваливались, я включаю (совсем тихонечко) стоящий на подоконнике магнитофон. Слово «Глазунов» в разговоре доминирует с непрекращаемостью арктического урагана.

Входит И.С.

— Ну вот, стоит отлучиться на минуточку, как тут же устраивают дискотеку.

Подозревая, что Альбинони на эту шутку мог бы, пожалуй, и обидеться, включаю еще слышней магнитофон.

После ужина И.С., слегка зашторив усмешливостью глаз усталыми веками, якобы серьезно спросил меня:

— Ну, как думаешь: любит она меня или нет?

— Конечно, — ответил я, — разве могут быть какие-либо сомнения?

— Ну вот, придется дать ей 10 долларов. Мы договорились: если кто-то скажет мне, что она меня любит, я даю десятку.

— Пять мне, — строго наказал я Альбине перед тем, как попрощаться.

Из близнецовского гороскопа: «Любить Близнеца легко и приятно, если только вы не отдадитесь этому со всей страстью. Помните: у Близнеца есть некая свойственная лишь ему духовная сущность, которой он не будет делиться ни с кем, даже с вами. Не усложняйте и не драматизируйте ваши отношения, постарайтесь относиться ко всему спокойно и просто. Не надоедайте ему, но попытайтесь все время будить его воображение. Не протестируйте против его переменчивости, а меняйтесь вместе с ним. Будьте живым, интересным собеседником, потому что самое важное для Близнеца — интеллектуальный уровень партнера. Близнецы часто меняют друзей, но происходит это не от бессердечия, а от постоянно меняющихся интересов и из желания иметь партнеров по интересам. Близнецы не страдают ностальгией по прошлому, будь то воспоминания, вещи, люди и места, где они жили».

Как бы то ни было, но стены, которые знали Илью Глазунова, очевидно, будут эманировать ностальгией по своему бывшему хозяину. Быть может, вечно.

ФОТО А. Натрускина

этот полтора минутный материал в один из его эфиров. Как раз в ту пятницу, когда Испанию навесил наш Президент. Получилось очень круто: «Взгляд» как бы побывал в новом дворце, опередив и программу «Время», и вездеходящих американцев из Си-эн-эн. Впрочем, сам Горбачев, насколько знаю, в новое посольство так и не заглянул).

Довольно любопытным был мелкокалберный репортаж на этот мини-экскурс. Выстроен сюжет был без всяких «говорящих голов» и «сэнд-ап» (это когда журналист имеет возможность покрасоваться на экране с микрофоном в руке... или «калашниковым», как больше, похоже, нравится бесподобному, право же, бесподобному другу. Илья Сергеевич Александров Глебовичу Невзорову).

Цитирую текст «озвучки»: «Перестройка, вдохновившая смену внешнеполитического курса страны, в испанском варианте началась со строительства нового посольства. Остается надеяться, что собственно перестройка завершится так же удачно, как это строительство.*

Советский посол в Мадриде Сергей Романовский любезно предоставил «Взгляду» право премьерной съемки в новом здании. При условии, что зрители «Взгляда» увидят этот мидовский бастион не раньше, чем Президент. Сегодня, в день визита, можно заглянуть в эти комнаты, которые не просто красивы, а красиво вызываются. В стилистике

*Тогда никто не подозревал, конечно, о грядущей отставке Э.А. Шеварднадзе, не пожелавшего участвовать в становлении стальной диктатуры.

(я был заинтригован) настаиваю: в чем, собственно, под...?

— Ну как же! Додолев про Глазунова: «великий русский художник». После интервью с Ниной Андреевой и прихвата Кунаева на шереметьевской таможне это твой третий «взглядский» удар по «памятникам». Главное, старик, что очень ненавязчиво, парой слов, но ты его под...нул. Интонация — вещь великая.

Озадачил он меня всерьез. Озвучивая материал, я как раз был уверен: «великого русского» мне помнят совсем в ином смысле. Для меня Глазунов велик уже тем, что заставляет о себе спорить и судачить столько же (по времени), сколько я живу на свете, столько же (по эмоциональному накалу), сколько говорили обо всех его соратниках по кисти (работающих с ним бок о бок), вместе взятых. И я не собирался перчить свои фразы сарказмом, скрытым, словно кадет в кармане. Не поленился потом послушать эфирный рулон пару раз — ничего язвительного и сардонического так и не расслышал. Возможно, сработал бомбардировочно весомый контекст передачи. Хотя опять же кое-кто меня мрачно пожурил, восприняв «великого» (как я и имел в виду!) на все, как говорится, сто:

— Что это ты так с Глазуновым подставлялся? Думаешь, «Память» тебя за этот реверанс из «черного списка» вычеркнет?

ВЗГЛЯД

Чего греха таить. Для меня Глазунов, до того как мы познакомились, был